

ЗАГОВОР КИНАДОНА

Пелопоннесская война стала рубежом в истории классической Греции. Неся в себе многие черты гражданской войны, она затронула как межполисные, так и внутриполисные структуры и дала толчок тому разрушительному процессу, который к началу IV в. до н. э. уже охватил всю Грецию. Разные проявления кризисных ситуаций в различных полисах с особой наглядностью можно показать на примере двух ведущих полисов Греции — Спарты и Афин. Однако концентрация внимания наших источников главным образом на Афинах определила меньшую степень изученности тех социально-экономических и политических сдвигов, которые произошли в спартанском обществе на рубеже V—IV вв.

Одним из интереснейших сюжетов социально-политической истории Спарты классического периода является так называемый заговор Кинадона, о котором мы узнаем главным образом от Ксенофонта (Hell. III, 3, 4—11). Эту историю Ксенофонт помещает в третьей книге «Hellenica» между рассказами о воцарении Агесилая и о подготовке его к экспедиции в Малую Азию. Закончив изложение событий, связанных с борьбой за престол между Леотихидом и Агесилаем, Ксенофонт за точку отсчета в своей хронологической канве берет начало царствования Агесилая и по нему уже определяет время начала заговора. «Агесилай не процарствовал еще года, как однажды... прорицатель заявил, что боги указывают на какой-то ужаснейший заговор» (Hell. III, 3, 4; здесь и далее перевод С. Я. Лурье). Большинство авторов как общих трудов по истории Греции, так и специальных монографий по классической Спарте за первый год правления Агесилая принимают 399 г. (лето), а следовательно, заговор Кинадона датируют 398 г. (весной)¹.

Кроме Ксенофонта о заговоре Кинадона упоминают также Аристотель (Pol. V, 6, 2, p. 1306) и Полиен (II, 14, 1). По мнению Эд. Мейера, оба они имели своим источником Ксенофонта², хотя в отношении Аристотеля с полной уверенностью этого утверждать нельзя. Во-первых, вопрос о заим-

¹ См. Букерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976, с. 194, 251; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. V. Stuttgart — Berlin, 1902, S. 51; Poralla P. Prosopographie der Lakadaimonier. Breslau, 1913, S. 6; Lenschau Th. Kinadon. — RE, Hbhd. 21, 1921, Sp. 458; Cary M. The Ascendancy of Sparta. — CAH, v. VI, 1927, p. 29; Ehrenberg V. Sparta. — RE, Hbhd. 6, 1929, Sp. 1402; Bengtson H. Griechische Geschichte. München², 1960, S. 252; Oliva P. Sparta and her social problems. Prague, 1971, p. 192. Однако кроме этой общепринятой датировки существует и ряд других версий, основанных на различной датировке вступления Агесилая на престол, так что возможный хронологический диапазон охватывает период в три года — с 398 по 396. Под 397 г. заговор помещает К. Краймс (Chrimms K. M. T. Ancient Sparta. Manchester, 1952, p. 354). Комментатор Ксенофонта Л. Брайтенбах считает, что заговор Кинадона имел место в начале 396 г., поскольку Агис, согласно его версии, умер в середине 397 г. (Xenophons Hellenica. Erklärt von L. Breitenbach. Bd. II. B.. 1874, Einleitung, S. LXXIX f., 42).

² Meyer. Op. cit., S. 51.

ствованиях Аристотеля у Ксенофонта вообще не решается однозначно³, во-вторых, что касается непосредственно заговора Кинадона, то о нем Аристотель сообщает в такой краткой форме, что она не дает возможности провести какие-либо параллели с текстом Ксенофонта. Для Аристотеля заговор Кинадона — один из многочисленных исторических примеров государственных переворотов или неудавшихся их попыток, которыми так изобилует пятая книга его «Политики». Опираясь богатым историческим материалом, Аристотель дает обзор различных попыток *coups d'état* в истории Спарты, начиная от мифических парфениев и кончая примерами из «новой» истории этого государства. Заговор Кинадона он помещает в один ряд с попыткой регента Павсания захватить всю власть в государстве или с замыслами Лисандра относительно уничтожения царской власти (Pol. V, 6, 2, p. 1306b). Эти примеры понадобились Аристотелю для иллюстрации своей мысли о неизбежности конфронтации сильной личности и государства в общинах спартанского типа.

Если Аристотель только упоминает о заговоре Кинадона в последовательном списке примеров неудавшихся переворотов, то для Полиена история Кинадона — это повод рассказать о тайных методах эфоров, которые те применяли для уничтожения своих противников. Версия Полиена в общем не отличается от рассказа Ксенофонта. Из сравнения обоих текстов видно, что рассказ Полиена — это краткий конспект первоисточника (т. е. Ксенофонта), хотя словесное оформление бесспорно принадлежит самому Полиену⁴.

Ни Аристотель, ни Полиен не вносят каких-либо существенных дополнений к нашим знаниям о заговоре Кинадона. Здесь бесспорен приоритет Ксенофонта. Но для нас безусловно важно уже то, что Аристотель не только знал об этом факте, но помещал его в один ряд с самыми значительными событиями и личностями спартанской истории. Что касается частных деталей, то тексты Аристотеля и Полиена помогают уточнить некоторые термины, встречающиеся в рассказе Ксенофонта, а также последовательность событий, связанных с раскрытием заговора и наказанием его участников.

Заговор Кинадона — очень любопытный и трагический эпизод в истории Спарты. По-своему это совершенно уникальный случай, параллелей которому мы не знаем. Благодаря подробному рассказу Ксенофонта, изложенному в весьма драматизированной форме, можно реконструировать всю недолгую историю этой неудавшейся попытки государственного переворота. Первый вопрос, который возникает при изучении текста Ксенофонта, — это вопрос о личности руководителя заговора Кинадона. Из рассказа Ксенофонта можно получить представление о примерном возрасте Кинадона и об его социальном статусе: «Это был юноша, сильный телом и духом, но не принадлежавший к сословию гомеев» (Hell. III, 3, 5 — οὗτος δὲ ἦν καὶ τὸ εἶδος νεανίσκος καὶ τὴν φύσιν εὐρωστος ὁ μὲντοι τῶν ὀμόλων). Слово νεανίσκος: С. Я. Лурье переводит как «юноша». Однако это не надо понимать буквально, ведь русское слово «юноша» дает несколько другой, романтический оттенок, а Кинадону могло быть от 18 до 40 лет⁵. О том, что

³ Исследователь «Политики» А. И. Доватур с большой осторожностью относится к Ксенофону как к возможному источнику для Аристотеля. По его мнению, «... на этот вопрос нельзя дать вполне обоснованный положительный или отрицательный ответ. Самое естественное предположить, что Аристотель был знаком с произведением Ксенофонта и, не черпая из него каких-либо конкретных данных, мог иметь его в виду» (Доватур А. И. «Политика» и политика Аристотеля. М. — Л., 1965, с. 369 сл., прим. 20). Того же мнения придерживался и В. П. Бузескул (Афинская политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. с. 221 сл., 229).

⁴ Об отношении Полиена к своим источникам и, в частности, к Ксенофону см. *Соболевский С. И.* Полиен. — В кн.: История греческой литературы. Т. 3. М., 1960, с. 203.

⁵ См. *Фролов Э. Д.* Жизнь и деятельность Ксенофонта. — Ученые записки ЛГУ, № 251. Серия исторических наук, вып. 28. Л., 1958, с. 41—74, особенно с. 44—51.

ему было никак не меньше 30 лет, говорит, во-первых, сам текст Ксенофонта, где Кинадон назван не просто «юношей», а «юношей по виду» ($\tau\acute{o}$ $\epsilon\iota\delta\omicron\varsigma$ $\nu\epsilon\alpha\lambda\acute{\iota}\sigma\omicron\varsigma$). Перевод С. Я. Лурье, к сожалению, не передает этого оттенка. Во-вторых, об этом свидетельствует факт, что к моменту заговора Кинадон уже неоднократно выполнял различные поручения эфоров, а это предполагает достижение известного возраста (Hell. III, 3, 9).

Труднее определить социальный статус Кинадона. Единственное прямое свидетельство — это утверждение Ксенофонта, что Кинадон не принадлежал к сословию «равных» (Hell. III, 3, 5). Поскольку в данном случае важно было показать социальную пропасть между правящей верхушкой Спарты и огромной массой всего остального населения, как гражданского, так и негражданского, то водораздел он провел по самой верхней границе, отделяющей «равных» от абсолютного большинства спартанского народа. Однако, хотя Кинадон и не принадлежал к политической элите спартанского общества, бесспорно одно — он был спартанским гражданином. В противном случае он никак не мог бы принимать участия во внутриполитических акциях эфоров и не имел бы тесных контактов с таким аристократическим институтом, каким был в Спарте корпус всадников. Тем не менее замечание Ксенофонта относительно исключения Кинадона из числа «равных» говорит в пользу того, что в какой-то мере он был ущемлен в своих гражданских правах. По неизвестным нам причинам (возможно, это была потеря клера) его социальный статус был понижен, и он попал скорее всего в разряд гипомейонов. Гипомейонами ($\beta\lambda\omicron\mu\epsilon\iota\omicron\nu\epsilon\varsigma$ в Спарте называли таких спартиатов, которые потеряли часть своих гражданских прав. В переводе это слово означает «младшие», «меньшие») «опустившиеся». Впервые этот термин зафиксирован у Ксенофонта (Hell. III, 3, 6). Возможно, и само понятие «опустившиеся спартиаты» также возникло незадолго до этого и было связано с введением закона Эпитадея. Это деление гражданства на две, а возможно, и более категорий имело смысл только тогда, когда речь шла о внутренней жизни спартанского полиса. Внешний мир знал спартиатов как единое целое. Недаром и само понятие «гипомейоны» встречается только у такого писателя, как Ксенофонт, очень хорошо знавшего спартанское общество изнутри.

В научной литературе вопрос о социальном положении Кинадона в целом не вызывает разногласий. Его называют или «спартиатом с неполными правами» (Л. Брайтенбах, Эд. Мейер, Т. Леншау)⁶ или же, что, по нашему мнению, одно и то же, гипомейоном (А. Бергер, П. Поралла, В. Эренбург, П. Олива)⁷. Правда П. Олива исключает Кинадона из числа граждан, полагая, что гипомейоны таковыми не были.

Предваряя дальнейший разбор проблематики заговора, хотелось бы вкратце изложить ту событийную канву, которая собственно и лежит в основе всех наших построений. У Ксенофонта история заговора начинается с кратко, но весьма драматического введения. В то время как царь Агесилай совершал обычные жертвоприношения от имени государства⁸, прорицатель сообщил ему, «что боги указывают на какой-то ужаснейший заговор» ($\epsilon\pi\beta\omicron\upsilon\lambda\eta\nu$ $\tau\iota\nu\alpha$ $\tau\omicron\nu\nu$ $\delta\epsilon\iota\nu\omicron\tau\acute{\alpha}\tau\omega\nu$ — Hell. III, 3, 4). Все дальнейшие попытки царя получить благоприятные знамения ни к чему не привели. И только на четвертый раз ему удалось добиться хороших результатов. Создается впечатление, что руководство полиса с помощью целой серии неудачных жертвоприношений пыталось приковать внимание общины к тревожной ситуации в государстве. По-видимому, Агесилай уже имел какие-то данные о заговоре и, действуя по заранее разработанному сценарию, старался создать определенный психологический настрой у сограждан.

⁶ Breitenbach. Op. cit., S. 42; Meyer. Op. cit., S. 51; Lenschau. Op. cit., Sp. 458.

⁷ Berger A. Социальные движения в древней Спарте. М., 1936, с. 56; Poralla. Op. cit., S. 72; Ehrenberg. Op. cit., Sp. 1402; Oлива. Op. cit., p. 192.

⁸ Это — одно из почетных прав спартанских царей (Xen., Resp. Lac. XV, 2).

Далее события приобретают стремительный характер. Через несколько дней к эфорам поступил донос о заговоре, причем в нем был указан и руководитель заговора — Кинадон (Hell. III, 3, 4). Имя доносчика Ксенофонт не называет, скорее всего, он его и не знал, ведь дело было очень темное и деликатное. А priori было ясно, что в заговоре могли быть замешаны представители многих спартанских семей, и потому эфоры предпочитали действовать быстро и тайно.

Ксенофонт в форме диалога между эфорами и доносчиком рисует зловещую картину состояния спартанского общества (Hell. III, 3, 5—7), благодаря чему становится более понятным характер происходящих в Спарте процессов. На смену «узкой олигархии спартиатов» к началу IV в. пришла «еще более узкая олигархия гомеев»⁹. Последние находились «в пугающем меньшинстве по сравнению с униженной и враждебно к ним относящейся массой»¹⁰. Судя по рассказу Ксенофонта, Кинадон считал своими естественными союзниками все категории спартанского населения, за исключением лишь тех, кто входил в состав общины «равных». Далее в тексте Ксенофонта дается по-своему уникальный список всех неполноправных групп спартанского общества. Донщик рисует перед эфорами страшную картину: по его словам, замыслы заговорщиков полностью совпадают «со стремлениями всех илотов, неодамодов, гиномейонов, периеков» и эти люди испытывают такую ненависть к спартиатам, что «никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем» (Hell. III, 3, 6)¹¹. Из этого видно, что социальная база заговора могла быть очень широкой. Однако руководители заговора были явно не из народа, хотя и пытались сблизиться с ним. У Ксенофонта мы находим следующие сведения относительно истинного числа заговорщиков. «На вопрос эфоров, сколько было ... соучастников в заговоре, тот (донщик. — Л. П.) ответил, что ... руководители заговора посвятили в свои планы лишь немногих и притом лишь самых надежных людей» (Hell. III, 3, 6). О правах, которыми обладали эти люди, можно лишь гадать, однако несколько указаний в тексте Ксенофонта заставляют думать, что речь идет о спартиатах. Сам Кинадон, по словам Ксенофонта, неоднократно исполнял поручения эфоров и при этом пользовался услугами корпуса «всадников» (Hell. III, 3, 9). Среди видных участников заговора Ксенофонт также называет прорицателя Тисамена (Hell. III, 3, 11). П. Поралла считает, что, по всей видимости, он был членом знаменитого жреческого рода Иамидов из Элиды¹². Его дед, также Тисамен, в 480 г. был принят в спартанскую общину и на протяжении многих лет занимал пост главного жреца-прорицателя в Спарте (Herod., IX, 33, 35; Paus., III, 11, 5—8). По словам Геродота, Тисамен и «его брат были единственными людьми, которые сделались спартанскими гражданами» (IX, 35). Представители этого рода несколько раз еще появляются на подмостках истории. Так, брат нашего заговорщика Агий принимал участие в битве при Эгоспотамах¹³. Все это, конечно, говорит в пользу того, что Тисамен, как и Кинадон, был спартиатом, причем достаточно видным, а участие такого человека в заговоре свидетельствует о глубоком расколе спартанской общины. То, что Ксенофонт не приводит в тексте родословной Тисамена, не удивительно. В Спарте и так прекрасно знали «кто есть кто», а компрометировать перед внешним миром его брата Агия, человека, возможно, близкого Лисандру,

⁹ Ehrenberg. Op. cit., Sp. 1402.

¹⁰ Breitenbach. Op. cit., Bd. II, Einleitung, S. XI.

¹¹ Этот образ — «пожрать живыми» (φάγει ζῶντας) — не случаен. Он служит для демонстрации высшей степени ненависти и в этом своем значении встречается не так уж редко в греческой литературе (например, Xen., Anab. IV, 8, 14; Hom., II. IV, 35).

¹² Poralla. Op. cit., S. 119.

¹³ «Воле жертвенника Августа показывают бронзовую статую Агия. Говорят, этот Агий предсказал Лисандру, что он победит и захватит флот афинян при Эгоспотамах... Этот Агий был сыном Агелоха, внуком Тисамена» (Paus., III, 11, 5).

Ксенофонт вовсе не хотел. По мнению Л. Брайтенбаха, анонимный жрец, обративший внимание Агесилая на какой-то «ужаснейший заговор», и Тисамен — одно и то же лицо¹⁴. Однако скорее можно думать, что этим жрецом был Агий, брат Тисамена, узнавший о заговоре и предупредивший Агесилая.

Еще одним доказательством тому, что тайное общество Кинадона состояло по преимуществу из спартиатов, служит замечание Ксенофонта о вооружении заговорщиков (Hell. III, 3, 7). Оказывается, заговорщики имели собственное оружие¹⁵. А как известно, в Спарте только члены гражданского коллектива имели право в мирное время носить оружие¹⁶. Вооруженным и организованным правильным образом заговорщикам (οἱ συντεταγμένοι) противопоставляется безоружная народная масса (ὁ ὄχλος), которая, по словам Кинадона, в момент выступления может вооружиться чем попало — любыми орудиями ремесленного труда (Xen., Hell. III, 3, 7). Эта картина, нарисованная Ксенофонтом, вполне соответствует логике любых переворотов сверху, при которых узкая группа заговорщиков из господствующего класса делает ставку на выступление народных масс. Очень похожий механизм заговора действовал, например, в Афинах во времена Писистратидов. Аристогитон и его сторонники составили заговор, причем, по словам Фукидида, «заговорщиков ради безопасности было немного. Если лишь горсть храбрецов, рассуждали они, отважится напасть на Гиппия и его телохранителей, то вооруженная толпа непосвященных в заговор тотчас же присоединится к ним в борьбе за свободу» (VI, 56, 3; пер. Г. А. Стратановского).

Если первую часть рассказа Ксенофонта можно назвать историей заговора Кинадона, то вторая часть представляет собой историю «контрзаговора» эфоров (Hell. III, 3, 8—11). С большим знанием дела Ксенофонт перечисляет те меры, которые были предприняты эфорами. Так, Ксенофонт говорит, что «они не созвали даже так называемой малой экклесии»¹⁷, но совместно с геронтами вынесли общее решение выслать Кинадона из города и арестовать его в Авлоне (Hell. III, 3, 8). Конечно, подобный маневр невозможно было обсуждать ни в каком народном собрании. Эфоры, достигнутые крайней опасностью, степень которой они не знали, добивались поддержки герусии на тот случай, если в дальнейшем их действия показались бы спорными¹⁸.

Для того, чтобы изолировать Кинадона и тайно обезглавить заговор, эфоры выдумали правдоподобный предлог — Кинадона послали в Авлон (Северная Мессения) и приказали «ему привести... несколько авлонитов¹⁹ и илотов, имена которых были написаны на скитале» (Hell. III, 3, 8). Ксенофонт, желая пояснить причину такого решения властей, добавляет, что «Кинадон уже не раз исполнял такого рода поручения эфоров» (Hell. III, 3, 9). По-видимому, он был постоянным участником такого рода карательных отрядов, которые время от времени прочесывали спартанскую

¹⁴ Breitenbach. Op. cit., S. 47 f.

¹⁵ Фразу οἱ ἐν δήπῳ συντεταγμένοι ἡμῶν αὐτοῖ ὄπλα κειτῆμεθα С. Я. Лурье переводит следующим образом: «те из заговорщиков, которые были в рядах войска, имели собственное оружие». Однако этот перевод не совсем точен. По мнению Э. Д. Фролова, выражение οἱ μὲν δήπῳ συντεταγμένοι в данном контексте следует переводить «те, которые вошли в состав заговора».

¹⁶ Breitenbach. Op. cit., S. 45.

¹⁷ «Малая экклесия» в источниках больше нигде не упоминается. Но этот текст — достаточная гарантия того, что подобный институт действительно существовал в Спарте. Скорее всего речь идет о собрании гомеев. Такой точки зрения придерживаются Л. Брайтенбах (op. cit., S. 46), В. Г. Васильевский (Политическая реформа и социальное движение в Греции в период ее упадка. СПб., 1868, с. 129) и С. Я. Лурье (История античной общественной мысли. М.— Л., 1929, с. 187).

¹⁸ См. Andrewes A. The Government of Classical Sparta.— In: Studies of Ancient Politics and Society in Honour of Victor Ehrenberg. Oxf., 1966, p. 4f.

¹⁹ Под авлонитами имеются в виду переицы этого мессенского края. См. Breitenbach. Op. cit., S. 46.

территорию. Так что выдумка, к которой прибегли эфоры, чтобы удалить Кинадона из города, бесспорно, была правдоподобна. У Ксенофонта картина готовящейся карательной экспедиции несет печать достоверности. Он называет целый ряд весьма красноречивых деталей, которые вполне можно положить в основу реконструкции подобных предприятий. Так, мы находим упоминание даже о трех повозках, на которых следовало привезти в Спарту арестованных периеков и илотов (Hell. III, 3, 9). Все эти реалии дают представление о полицейской системе спартанского государства и придают всему рассказу Ксенофонта колорит достоверности.

Узнав о заговоре, эфоры решили вовлечь в свой «контрзаговор» старшего гиппагрета, одного из трех руководителей спартанского корпуса «всадников»²⁰. Как известно, именно эфоры назначали трех гиппагретов, что свидетельствует о тесных контактах между ними и корпусом «всадников» (Xen., Resp. Lac. IV, 3). Согласно тайной инструкции, полученной от эфоров, гиппагрет послал вместе с Кинадоном в Авлон несколько подчиненных ему «юношей», которые были поставлены в известность о предстоящей им тайной миссии. Для страховки эфоры послали в Авлон также конный отряд (Xen., Hell. III, 3, 10 — *μόραν ἰππέων ἐπέμφαν*), о чем Кинадон, естественно, не знал. Согласно Полиену, этот конный отряд должен был прибыть в Авлон раньше Кинадона. В отличие от корпуса «всадников», который полностью состоял из спартанских юношей и только по наименованию ассоциировался с регулярной конницей, мора всадников, о которой упоминает Ксенофонт, по-видимому, состояла из настоящих всадников²¹.

В Авлоне все произошло по разработанному эфорами сценарию. Кинадон был арестован, «сознался во всем и назвал имена соучастников», после этого он был поспешно препровожден в Спарту, но еще раньше «конный гонец принес протокол допроса с именами выданных Кинадоном соучастников» (Hell. III, 3, 10—11). Ксенофонт нигде не говорит, каким способом удалось вытянуть из Кинадона все необходимые сведения. Очевидно, «юношам», сопровождавшим Кинадона, разрешено было действовать как угодно, вплоть до применения пыток. Полиен прямо говорит о том, что Кинадона пытали (II, 14, 1); да и как иначе можно было так быстро узнать от него имена заговорщиков (Xen., Hell. III, 3, 10). По словам Ксенофонта, эфорам удалось арестовать всех видных участников заговора еще до прибытия Кинадона в Спарту (Hell. III, 3, 11). На процессе, происходившем в самой Спарте, Кинадон подтвердил все свои прежние показания, а на вопрос о мотивах заговора, заявил, что «затеял заговор из желания быть не ниже всякого другого в Лакедемоне» (Hell. III, 3, 11 — *ὁ δ' ἀλεχρίματο μεδενός; ἤττων εἶναι ἐν Λακεδαίμονι*). Ответ Кинадона указывает на его честолюбие, возможно, социальное, возможно — личное, а может быть, одно не отделено от другого.

На этом месте собственно и кончается рассказ Ксенофонта о заговоре Кинадона. О казни заговорщиков Ксенофонт уже не сообщает. Но, конечно, полное отсутствие страшных реалий в рассказе Ксенофонта вовсе не означает, что их не было в действительности. Полиен прямо говорит о том, что эфоры «без всякого смущения приказали убить всех, на кого был доклад, за исключением самого доносчика» (II, 14, 1).

²⁰ По мнению Ю. В. Андреева, используемый Ксенофонтом термин νεοί (Hell. III, 3, 9), что дословно означает «юноши», вероятно, заменяет здесь спартанский термин *technicus* χόροι. «Нетрудно догадаться, — пишет Ю. В. Андреев, — кем были „юноши“, арестовавшие Кинадона. Их непосредственный начальник назван в тексте „гиппагретом“ (Hell. III, 3, 9). Следовательно, сами они были всадниками в спартанском значении этого слова» (см. Андреев Ю. В. Спартанские «всадники». — ВДИ, 1969, № 4, с. 27). Очевидно, использование «всадников» в качестве полицейской силы для подавления внутренних смут в государстве было в порядке вещей.

²¹ Конница в Спарте была, но очень небольшая. Она набиралась из особых периекских групп. Численность ее — несколько сот человек максимум. Первое упоминание о спартанской коннице относится к 424 г. (Thuc., IV, 55, 2). О спартанской коннице см. Xen., Hell. IV, 2, 16; 4, 10; 5, 11 и особенно VI, 4, 10—11.

Традиция, представленная такими авторитетами, как Аристотель и Ксенофонт, дает нам замечательную возможность судить о социально-политических мотивах и целях заговора Кинадона. Аристотель главную причину усматривал в узко-эгоистических интересах руководителя заговора Кинадона, которым двигало исключительно личное честолюбие. По его словам, Кинадон устроил вооруженный заговор против спартиатов из-за того, что, «будучи человеком мужественным» (*ἀνδρωδης*), не занимал в государстве надлежащего почетного положения» (Pol. V, 6, 2, p. 1306b). Пример с Кинадоном понадобился Аристотелю для того, чтобы продемонстрировать опасность отстранения от управления государством людей мужественных и энергичных, особенно в тех полисах, где правящий класс количественно невелик, а умаленные в правах имеют в своем распоряжении оружие. По мнению В. Ньюмена, Аристотель, вероятно, имел в виду именно случай с Кинадоном, когда советовал аристократическим правительством принимать в состав правящего класса представителей других сословий, называя это «врачебным средством», необходимым для политического равновесия (Pol. V, 7, 8, p. 1308a)²².

Отдельные замечания Ксенофонта, разбросанные в его рассказе о заговоре Кинадона, создают впечатление, что сам Ксенофонт усматривал цель заговора в удовлетворении социального честолюбия той части спартиатов, которые не имели права входить в состав общины «равных» (Hell. III, 3; 5; 14).

Для уяснения всей совокупности причин, приведших к заговору Кинадона, и его места в социально-политической борьбе в Спарте надо иметь в виду следующие факторы. Во-первых, возникновение в период Пелопоннесской войны «новой аристократии»²³, которая по своему социальному составу была далеко не однородна. Среди них были, вероятно, и гипомейоны, и неодамоды, и мофаки²⁴. Однако в экстремальных условиях войны эти люди ничем не отличались по своему статусу от представителей общины «равных». Вместе с Лисандром они участвовали в далеких походах, занимали самые видные посты в армии, назначались правителями (гармостами) покоренных городов. Там, за пределами Спарты, об их происхождении никто и не вспоминал. Но кончилась война, и все изменилось.

Во-вторых, не исключено, что ядро заговора состояло в основном из бывших сподвижников Лисандра, которые и после войны не потеряли контактов со своим полководцем. У нас нет никаких данных об участии Лисандра в заговоре. Однако Лисандр с его опытом организации всякого рода гетерий вполне мог стоять за кулисами событий. Тут можно учесть и его собственное не совсем чистое происхождение, и предыдущий опыт обращения к низам общества отдельных политических деятелей Спарты. Во всяком случае в этом обвиняли Клеомена и Павсания (Herod., VI, 74; Thuc., I, 132, 4). Не объясняется ли столь скорая и решительная расправа эфоров над заговорщиками их желанием замять политический скандал, коль скоро в нем был замешан Лисандр?

Затем, наличие в стране политического кризиса. Об ожесточенной борьбе в Спарте после окончания Пелопоннесской войны свидетельствуют многие факты: споры и разногласия по поводу денег, присланных Лисандром из Малой Азии, противоречивое поведение Спарты по отношению к

²² Newman W. L. The Politics of Aristotle. V. IV. Oxf., 1902, p. 368. См. также Breitenbach. Op. cit., S. 42.

²³ Мысль о появлении «новой аристократии, которой трудно было ужиться в узких и тесных рамках старого спартапского режима», принадлежит Н. И. Голубцовой (К вопросу о внутреннем положении Спарты в начале IV в. до н. э.— Труды МГИАИ, т. 12, 1958, с. 261 сл.).

²⁴ Наша традиция в числе мофаков называет Лисандра, Гилиппа и Калликратида (Ael., V. h. XII, 43). Кроме того, есть основания считать, что нередко спартиатцы назначали гармостами неспартиатов, скорее всего неодамодов (Xen., Hell. III, 5, 12; Isocr., IV, 111).

Афинам в 403 г., борьба за престолонаследие и узурпация власти Агесилаем, опала Лисандра, изгнание царя Павсания и т. д.

Далее, наличие в стране глубокого социально-экономического кризиса, который проявился в количественном несоответствии между все уменьшающимся числом полноправных граждан и огромной массой обнищавших спартанцев. Размывание гражданского коллектива в Спарте было ускорено принятием сразу после Пелопоннесской войны нового закона, вошедшего в историю под именем «реты Эпитадея» (Plut., Agis, 5; Arist., Pol. II, 6, 10, p. 1270a). Прекрасную иллюстрацию раскола спартанской общины на два враждующих лагеря дает нам Ксенофонт. По его словам, соотношение политической элиты спартанского общества ко всему остальному гражданскому населению представляет собой пропорцию 1 : 100 (Hell. III, 3, 5). Пусть эти цифры несколько завышены, но в них проявляется вполне определенная тенденция. Спартанское общество начала IV в. — это общество уже больное, лишенное внутренней гомогенности, расколотое на разнородные элементы. Уж если такие люди, как Кинадон и Тисамен, выступали против своей общины и даже склонялись к мысли о возможных политических контактах с илотами, то это — бесспорное свидетельство глубокого социального и политического кризиса, охватившего Спарту сразу после Пелопоннесской войны. Заговор Кинадона с этой точки зрения — это одно из проявлений общего кризиса полиса IV в.

После подавления заговора спартанское правительство прибегло к наиболее радикальному средству для быстрой, хотя и временной консолидации всех сословий — оно объявило войну. С Агесилаем в Малую Азию было отправлено две тысячи неодамонов (Xen., Hell. III, 4, 2) — таким образом Спарта одним ударом избавилась от наиболее взрывоопасной части своего населения. Непосредственным результатом подавления заговора Кинадона можно считать, по-видимому, временное укрепление политической организации Спарты, что нашло свое выражение прежде всего в отсутствии разногласий между царями и эфорами. В правление Агесилая мы не знаем ни одного случая конфронтации царской власти и эфората.²⁵

Л. Г. Печатнова

THE CONSPIRACY OF KINADON

L. G. Pechatnova

The conspiracy headed by Kinadon in 398 B. C. was one of the most important events in the social and political history of Sparta. The sources, especially the account given by Xenophon in his *Hellenica* (III, 3, 4—11), enable us to construct a coherent picture of what happened and why. Though by no means all aspects of the story can be fully explained, it is clear that the conspiracy resulted from a split within the Spartan community itself. This is indicated by the social composition of the leading group of conspirators, who appear to have been mostly Spartiates. The principal leader, Kinadon, should, in the author's opinion, be classed as one of the *hypomeiones*, that is (as the term is usually interpreted in the literature), one of those Spartans who for one or another reason had lost part of their rights as citizens. Moreover the leaders of the conspiracy obviously regarded as their natural allies the great majority of the inhabitants of Laconia, including even the helots (Xen., *Hell.* III 3, 6). However, the Spartan government crushed the conspiracy at its birth (*Hell.* III 3, 8—11).

Kinadon's conspiracy reveals the existence of an advanced stage of social disintegration in Sparta and from this standpoint the author sees in it an early manifestation of a process affecting the classical Greek polis generally in the 4th century B. C.

²⁵ Недавно по теме нашей работы появились две новые статьи, которые, к сожалению, стали известны нам тогда, когда наша работа уже была сдана в печать, а потому они не могли быть учтены: *David E.* The Conspiracy of Cinadon.— *Athenaeum*, LVII, 1979, p. 239—259; *Vattuone R.* Problemi spartani: la congiura di Cinadone.— *Rivista storica dell' antichita*, Anno, XII, 1982, Bologna, 1983, p. 19—52.